

Тариэл ЦХВАРАДЗЕ

Тариэл Цхварадзе родился в 1957 году в Грузии, город Ткварчели, в настоящее время проживает в Батуми. Окончил художественное училище им. Мосе Тоидзе в Тбилиси. Автор пяти книг стихотворений. Публиковался в литературных альманахах «На холмах Грузии», «Эмигрантская лира», «Иркутское время», журналах «Интерпоэзия», «Байкал». Лауреат и участник международных поэтических фестивалей, лауреат литературной премии им. Давида Гурамишвили. В «Волге» публиковались стихи (2016, № 1-2).

Пространство тонет в сигаретном дыме,
под потолком пульсирует мигрень,
здесь женщина в одном и том же гриме
неделю ищет собственную тень.
Мелькают кадры фильма на экране,
mundштук приклеен накрепко к руке,
она читала много о нирване,
но находила счастье в коньяке.

Расскажи-ка беседка бульварная,
с лёгкой грустью в прокуренном голосе,
про свой город, где улица главная –
переулочек лишь в мегаполисе.
Где вдыхают приезжие лапочки,
сладко-приторный запах магнолии,
мама с папой тогда им до лампочки,
институт и работа тем более.
И про то, как причалив на лодочках
закрепив канаты швартовые,
отправлялись известной походочкой
к пивзаводу ребята портовые.
Разливное, ставридка копчёная –
за копейки, считай что бесплатная,
а в кармане колода краплёная
и мелодия в парке эстрадная.
Нашей памяти юность бедовая,
будоражит беседку бульварную
и ту первую куртку джинсовую
вспоминает, как вещь антикварную.

Достанет вечная жара, улыбка сфинкса, дым кальяна,
и Моисеева гора, и ржавая вода из крана,

и приторный на вкус кишмиш, и зов к намазу муэдзина,
и недокурный гашиш, и зазывала магазина.
И так захочется назад, скорее в горную прохладу,
где есть и дождь и снегопад, где каждый рад тебе, как брату.
Продав квартиру с барахлом, с забитым долларами кейсом,
я улечу туда, где дом, без багажа ближайшим рейсом.
И встретит родина не та, не та, что виделась ночами.
И отрезвленья пустота, и пожимание плечами.
Мол, что поделаешь, браток, что есть, то есть – живи как знаешь.
Народ здесь тронулся чуток, за год и ты таким же станешь.
И стал. Из дома ни ногой. Сижу, курю, стучу по клавише...
и слышу, рядом за стеной, сосед читает «Отче, Аве!».

Всё радует меня в подлунном мире,
и водки вкус, и без неё тоска,
и то, что дважды два всегда – четыре,
и родинка любимой у виска.
Я персонаж по городу известный,
меня на понт так просто не возьмёшь
и даже Лёва – «положенец» местный,
ко мне бывает по субботам вхож.
Везёт по жизни – хоть возьми да тресни
из зависти ко мне, но только, друг –
не приведи Господь на «Красной Пресне»
в пресс-хате оказаться как-то вдруг.
На фоне том трагедии Шекспира
покажутся смешными, и тогда,
поверь бродяге, недостатки мира
забудешь без особого труда.
Ну, как-то так... Попытка между делом
колоду карт раскинуть по мастям.
Так на доске писать нас учат мелом,
а может, ну его, учителей к чертям?

Гулял сквозняк, скрипели в петлях двери,
март доедал последний талый снег.
Два персонажа уличных мистерий,
устраивались в арке на ночлег.
Один дрожал и задыхался в кашле,
второй укутывал больного в плед.
Протянут ночь, а что там будет дальше,
даст Бог, подскажет завтрашний рассвет.
Дунай под утро дрогнет рябью нервно,
отель разбудит колокольный звон,
спущусь к бомжам, оставить десять евро –

должно хватить на хлеб и самогон.
А сам пойду на будапештский рынок,
попробовать гусиный фуа-гра,
с айфона скину в ленту фотоснимок,
где на тарелке чёрная икра.
Запив свой завтрак белым из Токая,
на полчаса уйду в небытие,
и буду, время в дрёме коротая,
цинично думать – «Каждому своё».

Перестану писать про политику,
про бомжей и распущенность баб,
и в угоду иркутскому критику,
покажусь не использовать ямб.
Пьяным утром над строчкой хирея,
с горьким кофе и без сигарет,
попытаюсь размером хорей
передать иркутянам привет.
Не учился я в литинституте,
не уверен, что это хорей,
но кричу на двадцатой минуте
португальцу: «Рональдо, забей!»
И положит впритирку со штангой
мяч послушный, как будто рукой...
Дым костра под бурятское танго,
закружит над кристальной водой.
Ближе к ночи над лысою сопкой,
зарыдает сычом саксофон,
и с последней пронзительной ноткой
потревоженный вздрогнет Ольхон.
В небе чистом над морем Байкальским
тихо, тихо плывёт самолёт,
а у лётчицы влажные глазки,
она видит цветы и поёт.
Голос рвёт перепонки и крышу,
долгий день на секунды, дробя.
В перезвоне бутылок расслышу:
«Она любит тебя, она любит тебя, она любит тебя...»